

С.Ю.АЛАШЕЕВ, И.Н.ТАРТАКОВСКАЯ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В САМАРЕ

Авторы работают в социологической лаборатории Самарского государственного педагогического университета. **АЛАШЕЕВ Сергей Юрьевич** — научный сотрудник, **ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна** — кандидат социологических наук, научный сотрудник. **Адрес:** 443099 Самара, ул. М. Горького, д.61 / 63. **Тел.:** 32-39-50. **E-mail:** root@soc.samara.su

Исследования электорального поведения часто сосредоточены на чисто прогнозных функциях: выясняется относительная популярность политика, партии или избирательного блока у различных слоев населения. О причинах популярности или непопулярности можно только строить предположения.

Вопрос о мотивации электорального поведения является достаточно сложным, особенно для российских условий, когда большинство партий и группировок не имеют социальной базы и устойчивого электората. Мы ставили задачу проследить взаимосвязь электорального поведения с некоторыми идеологическими стереотипами массового сознания, широко употребляемыми в политической пропаганде.

Исследование в Самаре проводилось в два этапа: в январе 1994 и в августе 1995 года. В первый раз были опрошены 1087 человек, во второй — 600. Использовалось формализованное интервью. Квотная выборка репрезентировала население Самары по полу, возрасту и образованию. Респондентам был предложен набор из 10 суждений, с которыми они могли согласиться или не согласиться. Суждения представляли собой "штампы" массового сознания, выражающие отношение людей к реформам, правительству, степень приверженности националистическим взглядам и т.п. Рассмотрим распределение мнений по поводу каждого суждения.

"Рыночная экономика является основой нормального развития общества". В 1994 году этот тезис поддержало 64,3% опрошенных, 16,8% высказалось против, остальные затруднились ответить. В 1995 году привлекательность "рыночных идеалов" несколько поблекла, и с суждением согласилось лишь 56,1% опрошенных, а число несогласных возросло до 19,8%. Тем не менее доля тех, кто поддерживает идеи рынка, почти в три раза выше доли тех, кто однозначно высказался против.

"Приватизация должна развиваться". В 1994 году это мнение разделяло 57,8% опрошенных и только 18,6% высказалось против. В 1995 году картина существенно изменилась — в поддержку приватизации высказалось 33,9% и 42,3% — против. Таким образом, зафиксировано стремительное падение популярности идеи приватизации — из безусловно привлекательной для большинства населения она превратилась в более чем сомнительную.

Наибольшее единодушие у респондентов как при первом, так и при втором опросе вызвало следующее суждение: **"Наша страна должна стать цивилизованным государством, таким же, как экономически развитые страны Запада"**. В 1994 году этот тезис поддержало 81,1%, а против него высказалось лишь 8,5%. Представление о некоем желательном "итоге нашего пути" за истекшие полтора года практически не утратило своей привлекательности: летом 1995 года с суждением согласилось 79,4% респондентов. Это говорит о том, что идея особого, "незападного" пути развития страны в массах поддержки не имеет. Однако уверенная поддержка конечной цели реформ не означает поддержку реформ в том виде, в котором они осуществляются.

Рассмотрим отношение к суждению: **"Продолжать реформы и демократизацию страны необходимо другими методами"**. В 1994 году с этим согласилось 59,3% (при 11,5% против). В 1995 году доля положительных ответов составила только 46%, а доля отрицательных выросла до 25,8%. Вероятно, данное суждение можно интерпретировать неоднозначно: так, рост числа несогласных с ним в два раза не означает роста популярности применявшихся методов реформирования страны; сама идея реформ и реформаторства стала иметь несколько угрожающий оттенок.

Опросы показали разочарование населения Самары не только в политике реформ, но и в любой политике и любых политиках. В 1994 году 51% отметили, что **"все современные политики — как сторонники, так и противники Ельцина — не внушают ни малейшего доверия"**. Не согласилось с этим лишь 29,4%. В 1995 году ситуация изменилась незначительно: с суждением согласилось 55,1% и не согласилось 32,4%. Треть электората, которая склонна поддерживать каких-либо политиков, если и сменила свои симпатии, но от политики вообще не отошла.

Степень лояльности самарцев к центральной власти фиксировалась следующим образом: **"Смена президента и правительства сейчас только ухудшит ситуацию"**. Здесь картина изменилась самым кардинальным образом: если в 1994 году 51,1% выразили согласие с этим суждением и только 22,5% не согласились, то летом 1995 года насчитывалось лишь 27,9% сторонников сохранения нынешних властей, а 44,1% хотели бы их сменить. Вывод вполне определенный: в 1994-1995 годах Президент и правительство лишились своей основной социальной опоры.

Естественно, разочарование может привести и к мыслям о возврате к "благополучным" временам социализма. Насколько распространено это мнение? С суждением **"Нужно вернуться к порядкам, существовавшим до 1985 года"** в 1994 году согласились 31,6% опрошенных, а 54,1% отметили вариант "нет". В 1995 году количество опрошенных, желающих двигаться "вперед, в прошлое" несколько возросло и составило 38,6%, а доля нежелающих сократилась до 47,1%. Помимо всего прочего, это означает, что большая часть населения сумела адаптироваться к сложной обстановке.

Массовое политическое сознание имеет сложный, эклектичный, противоречивый характер, поэтому приведенные цифры нельзя рассматривать как свидетельство осознанной поддержки идеологии реформ большинством населения. Наряду с признанием необходимости прогрессивных преобразований, в общественной психологии бытуют и противоположные установки, например, эгалитаристские. С суждением **"В нашей стране не должно быть ни богатых, ни бедных"** в 1994 году согласились

48,8%, а против высказались 37,5%. В 1995 году эгалитаристские взгляды получили сильное развитие, и соответствующая цифра выросла до 71,2%, а доля несогласных составила всего 22,2%. Часто такое убеждение уживается с положительным отношением к рыночной экономике и приватизации. Умеренно положительно реагируя на рыночную и "прогрессистскую" терминологию, многие люди довольно туманно представляют, что это означает. Нетерпимость к "богачам" на фоне углубляющегося социально-экономического расслоения выросла очень сильно и является удобным плацдармом для политической пропаганды.

Для фиксации националистических взглядов мы предложили респондентам суждение: **"В России все руководящие посты в администрации, газетах и на телевидении должны занимать русские"**. С этой идеей согласились в 1994 году 46,9%, не согласились 46,3% опрошенных. К лету 1995 года соотношение практически не изменилось: 44,7% "да" против 44,5% "нет". Таким образом, националистическая компонента массового сознания оказалась весьма устойчивой и относительно не зависимой от состояния социально-экономической обстановки.

Восприятие населением международного положения нашей страны фиксировалось с помощью суждения: **"Правительства западных стран целенаправленно стараются разрушить нашу экономику"**. В 1994 году 53,8% опрошенных согласились с этим утверждением, против высказались только 29,4%. Однако как раз "антизападная карта" оказалась не очень надежной. В 1995 году у антизападной концепции осталось 46,2% сторонников, а доля противников возросла до 36,6%. Очевидно, представление о Западе как пугале (так же, впрочем, как и "добром дядюшке") оказалось не очень близким жизненным проблемам многих самарцев. При этом растет популярность оппозиции, для которой антизападная идея является одним из базовых идеологических аргументов.

Анализ данных опроса позволяет сделать некоторые общие выводы. Во-первых, характерной чертой массового сознания является эклектичность политических взглядов и ценностей. В целом положительное отношение к рыночной экономике сочетается с нетерпимостью к экономическому расслоению, ностальгия по спокойному советскому прошлому — с мечтой о западной сытой жизни и т.д. В то же время можно выделить небольшую "прорыночную" группу — ее величина колеблется примерно от 20 до 30% опрошенных. Это люди, считающие, что приватизация должна развиваться, что рынок необходим для нормального развития общества, что социальное расслоение является его неприятным, но неизбежным следствием и что реформы в том или ином виде должны продолжаться.

Существует и группа убежденных "антизападников" и "антирыночников". Ее наиболее устойчивое ядро невелико — 13-20%. Однако в условиях кризиса, переживаемого в России, большинство рыночных мероприятий, связанных с курсом правительства, оказались скомпрометированы, что привело к росту числа их противников до 40-50% по отдельным позициям и вообще распространению разного рода эгалитаристских и антизападных воззрений. В то же время явственно прослеживаются утомленность людей политикой как таковой, кризис доверия ко всем политическим силам.

Мы применили к обоим массивам — 1994 и 1995 годов — факторный и кластерный анализ. Это дало возможность построить две модели, отражающие состояние политической компоненты

массового сознания.

Рассмотрим данные 1994 года. Кластерный анализ позволил выделить примерно 30% респондентов, имеющих более или менее определенные политические установки. Этот подмассив, в свою очередь, разбивается на три группы. Первая из них, самая большая, характеризуется в основном "прорыночными" взглядами. 89,3% опрошенных не хотели бы вернуться к порядкам до 1985 года, 85,5% хотели бы видеть Россию подобной странам Запада, 84,3% не хотели бы менять Президента и правительство, 93,7% поддерживали приватизацию и 91,8% — рыночную экономику. Эту группу отличают несколько меньший национализм (42,8%) — хотя здесь нет существенной разницы с остальными группами, и гораздо меньшая антизападная настроенность (только 34,6% согласны, что западные правительства вредят России), терпимое отношение к реформам в том виде, как они осуществляются — каждый четвертый (24,8%) не согласен с тем, что их надо проводить другими методами. Примерно половина (50,9%) считает, что не должно быть ни богатых, ни бедных. И, наконец, эту группу отличает несравненно большее, чем у других двух групп, доверие к политикам — никому из них не доверяют лишь 35,9%.

Вторая группа также обнаруживает достаточно определенные и взаимосвязанные воззрения. Подавляющее большинство (78,4%) хотело бы вернуться к советским временам. Здесь меньше всего сторонников "Запада". Абсолютное большинство (93,2%) считает, что реформы должны идти другими методами. По сравнению с первой группой — значительная разница в степени доверия к политикам: 82,4% не доверяют никому. Эта группа настроена антипрезидентски, 70,3% не согласны, что смена президента и правительства только ухудшит ситуацию. Она же самая антизападная — 94,6% считают, что Россия является объектом экономической диверсии "с той стороны" (особенно заметен контраст с первой группой). Соответственно в ней минимальна по сравнению с другими доля сторонников приватизации (39,2%) и рыночной экономики (32,4%), а также чрезвычайно сильно выражены эгалитаристские взгляды — 91,9% считают, что не должно быть богатых и бедных. При этом, однако, националистов, т.е. сторонников чисто русских администрации, газет, телевидения, в этой группе практически не больше, чем в первой — 43,2%. Как видим, эту группу отличает единство ценностей и непротиворечивость взглядов.

Более сложную картину представляет третья группа. В целом ей свойственны столь же прорыночные взгляды, как и первой группе: лишь 12,6% хотели бы вернуться к доперестроечным временам, 98,9% хотели бы, чтобы Россия стала цивилизованным государством западного типа, 93,1% — сторонники рыночной экономики, 79,3% — приватизации. Лишь последний "рыночный" показатель несколько ниже, чем в первой группе, зато третья группа уникальна по степени принятия чрезвычайно непопулярного признака "рыночного общества" — социального неравенства. Лишь 12,6% опрошенных в этой группе считают, что в нашей стране не должно быть богатых и бедных. В то же время респонденты критически настроены по отношению к реформам в том виде, в каком они осуществляются. 81,6% считают, что их надо проводить по-другому, менее половины (48,3%) согласны оставить на своем месте нынешнее правительство и Президента. И, наконец, это группа, наиболее сильно разочарованная во всех политиках вообще, никому из них не доверяют 83,9%. Здесь гораздо больше, чем в первой (хотя и меньше, чем во второй) сторонников точки зрения о негативном влиянии западных стран на

нашу экономику — их 73,6%. Примечательна националистическая настроенность: 56,3% считают, что ключевые посты в России должны принадлежать лишь представителям "основной национальности".

Итак, установлены три основных типа политических ориентации населения Самары. Один из них можно условно обозначить как "прореформенный", второй — как "антиреформенный", третий — как тип "разочарованных". Первая группа — самая большая, она включает примерно столько же респондентов, сколько две остальные, вместе взятые. Хотя мы описали лишь третью часть массива надо учесть, что это самая "сознательная" часть респондентов, которая хорошо репрезентирует главные установки, представленные в основном массиве данных в "размазанном" виде. Именно эти типы имеют базовый характер по сравнению с такими временными и во многом случайными, искусственно формируемыми образованиями, как электораты различных партий и предвыборных блоков.

Электоральное поведение этих групп, естественно, различается. Первая группа в 1993 году в основном отдала свои голоса "Выбору России" (28,3%) и другим партиям демократического крыла, среди которых доминировали "Яблоко", "Демократическая партия России" и "ПРЕС" (в общей сложности 25,8%), а также "Женщинам России" (14,9%). Меньше всего в ней оказалось сторонников партии Жириновского (6 %) и коммунистов (9 %).

Во второй группе сложилась противоположная картина: большинство голосовало за Коммунистическую партию (24,7%) и Жириновского (16,4%), здесь не имели поддержки ни "альтернативные демократы" (4,7%), ни "Выбор России" (1,3%).

В третьей группе избирательная активность была гораздо ниже. Но та ее часть, которая все-таки приняла участие в выборах, разделилась на два основных потока: чуть больше ушло к "альтернативным демократам" (13,3%), чуть меньше — к Жириновскому (11,9%). Впрочем, не намного меньше были представлены и другие основные блоки — "Выбор России" (9,9%); "Женщины России" (6,7%) и коммунисты (6%). Электоральное поведение этой группы отражает противоречивость присущих ей ориентаций.

Рассмотрим некоторые социально-демографические характеристики трех групп. 62,3% членов первой и 64,6% третьей группы моложе 45 лет, причем в группе "разочарованных" чуть больше (на 4,8%) молодежи до 25 лет. Во второй, "антиреформенной" группе моложе 45 лет лишь 33,8% респондентов, а пожилых людей соответственно больше — 20,3% старше 66 лет, в то время как в первой и третьей их лишь 6,3 и 6,9% соответственно.

По образованию безусловное превосходство у третьей группы — 40,2% имеют высшее образование и лишь 16,4% — среднее и ниже. В первой группе — 32,5% с высшим образованием, 31,9% — со средним и ниже. Во второй группе картина обратная — только 17,6% с высшим образованием, 51,3% — со средним и ниже.

Вторая группа состоит, как и следовало ожидать, из небогатых людей: 68,1% имели доход (по состоянию на 1994 год) ниже 50 тысяч рублей на члена семьи. Однако и в первой группе таких 50,4%, в третьей же — 42,9%. Существенную роль в политической ориентации играет не столько реальный доход, а сколько самооценка своего материального положения. Если в первой группе 48,4% считали, что им "хватает на все жизненно необходимое", то в более обеспеченной третьей таких было 41,2%. При этом в третьей группе 43,5% считали, что денег им "хватает только на питание", — это больше, чем во второй "антиреформенной"

группе" (41,1%), где положение действительно довольно тяжелое. Правда, в этой группе в два раза больше тех, кому приходится "ограничивать себя даже в еде и еле-еле сводить концы с концами" — таких было 28,8% против 14,1% в третьей группе и 11,5% в первой. Видимо, лояльность к политическому руководству *зависит* не столько от реальных доходов, сколько от соотношения их со своими потребностями. Здесь действует эффект "относительной депривации".

В третьей группе больше всего специалистов, занятых на должностях, требующих высшего или среднего специального образования (34,5%), в то время как в первой группе их 22,1%, а во второй — всего 8,1%. Во второй группе несколько больше рабочих, но нет ни студентов, ни предпринимателей и очень много неработающих пенсионеров (35,1%). В первой и в третьей группах их всего по 14%.

С 1993 по 1995 годы политические ориентации населения стали более неопределенными. Устойчивые "штампы", особенно демократические, также подверглись существенному размыванию. Факторный анализ массива 1995 года обнаружил четыре группы. В первую вошло более 36% опрошенных. Этой группе была присуща сравнительно устойчивая система политических ценностей. Лишь 4,8% ее членов выразили желание вернуться к советскому режиму, 97% хотели бы видеть Россию похожей на развитые капиталистические страны, 82,6% поддерживают приватизацию, лишь 6% верят, что Запад подрывает нашу экономику, и, наконец, 60,4% не поддержали бы отставку Президента и правительства. В то же время они умеренно националистичны — 46,9% хотели бы видеть на всех ключевых постах только русских. 70,7% не хотели бы, чтобы среди граждан России были большие различия в уровне жизни. Политические предпочтения представлены движениями "Яблоко", "Наш дом — Россия" и "Демократический выбор России". Все же большая часть группы не доверяет никаким политикам и партиям. Уровень образования членов группы в два раза выше среднего по массиву, здесь самый высокий уровень доходов и в наибольшей степени представлена молодежь. Эта группа очень похожа на "демократический электорат" 1994 года.

Вторая группа (25%) тоже хорошо распознаваема — она является как бы "негативом" первой. 94,5% ее членов хотели бы вернуться к доперестроечным порядкам. 81,1% хотели бы, чтобы Президент и правительство ушли в отставку, 89,8% убеждены, что Запад разрушает нашу экономику, лишь 10,3% высказываются в пользу приватизации и, наконец, все они не согласны с тем, что нормальное общество базируется на рыночной экономике. В этой группе самый высокий уровень национализма — 77,4%, наблюдается отрицательное отношение к политике вообще. Безусловный фаворит группы — Коммунистическая партия России. С большим отрывом за ней следуют "Женщины России" и "Партия самоуправления трудящихся" Святослава Федорова — очевидно, немалую роль здесь сыграло ее название.

В этой группе вдвое больше, чем в среднем по массиву, людей без среднего образования, здесь самый низкий уровень жизни. В большинстве это люди пенсионного и предпенсионного возраста. Немаловажно, что доля женщин в группе на 9% выше средней по массиву.

Третья группа (29%) — это консерваторы. 61,5% хотели бы вернуться к временам до 1985 года, 92,9% считают, что правительства стран Запада разрушают нашу экономику, 67,2% высказываются против приватизации. Уровень эгалитаризма ("ни

богатых, ни бедных") практически совпадает с аналогичным показателем во второй группе и даже чуть выше — 91,1%. В то же время 97,7% высказываются в поддержку рыночной экономики. По остальным суждениям вырисовывается средний вариант между первой и второй группами. Таким образом, эту группу можно считать "промежуточной" — возможно, в нее влилось достаточно много разочаровавшихся и дезориентированных представителей демократического электората.

И, наконец, четвертая группа. К ней принадлежит всего 9,6% опрошенных, зато она отличается самыми экзотическими взглядами. Так же, как третья группа тяготеет ко второй, четвертая группа тяготеет к первой — условно "демократической": 81,8% — против возвращения в доперестроечное прошлое, 80,9% не верят, что Запад разрушает нашу экономику, поддержка приватизации хоть и не очень высока (43,2%), но значительно, чем во второй и третьей группах. Националистические взгляды разделяют 20,8%. Подавляющее большинство членов группы (90,4%) не согласны с тем, что в России не должно быть ни богатых, ни бедных. В то же время 64,3% поддерживают идею рыночной экономики, 30,4% отрицательно относятся к идее стать "цивилизованной страной западного типа" — более высокий скептицизм, чем у откровенно прокоммунистической части респондентов. Группу отличает крайне отрицательное отношение к Президенту и правительству — 93% выступают за их отставку, но при этом проявляют наибольшую терпимость к политикам вообще — 85,4% не согласны с тем, что все политики не заслуживают доверия. Вероятно, политические взгляды группы слишком сложны, чтобы объяснять их с помощью "крупноячейной" идеологической сетки. В основном это люди от 30 до 45 лет, с уровнем образования несколько более высоким, чем в среднем по массиву. Их материальное положение практически не отличается от материального положения первой группы. Это единственная группа, где мужчин больше, чем женщин. Никаких явных предпочтений как на партийном, так и на персональном уровнях не фиксируется.

Отношение к политике и политикам сопряжено с базовыми ценностями, которые находят свое выражение в идеологических стереотипах, логике поведения различных социокультурных групп. Поддержка гражданами тех или иных политических движений не означает, что они вполне разделяют их идеологическую фразеологию. У каждой "группы поддержки" существует определенное ядро, которое более или менее осознанно ассоциирует своих "героев" с той или иной программой социальных преобразований, остальная же, "периферийная" часть групп имеет противоречивые, эклектические взгляды. Какую бы политическую доктрину ни поддерживали люди, речь всегда идет о поддержке ее "позитивной" части: если это социализм, то имеется в виду стабильность, широкие социальные гарантии, имущественное равенство и т.п. — но отнюдь не распределение по карточкам, очереди и пустые магазины. Если рынок, то подразумевается товарное изобилие, но о безработице думать не хочется. Можно предположить, что большим успехом будут пользоваться политики, обещающие все сразу: рынок, социальное равенство, западные потребительские стандарты и национальную самобытность. Таков современный российский электорат.